

Дверь распахнулась, и в проеме возник мужчина. — Кто вы? — начал он, погруженный в разглядывание предмета в своих руках, едва вспомнив о том, что кто-то стучался. — Кто я — не важно, — отрезал незнакомец, поднимая голову и встречаясь с вопрошающим взглядом теплыми карими глазами. — Важно, зачем я здесь. Глаза хозяина дома сузились, но он молчаливо подчинился незримому требованию. — Тогда зачем вы здесь? — произнес он, голос его был тих и ровен. — Я здесь, потому что знаю, что вы можете мне помочь, — ответил первый мужчина, его голос звучал уверенно. — Я слышал, что вы уже много лет ищете что-то тайное... Глаза хозяина расширились, и его взгляд скользнул к предмету в руках незнакомца, затем снова устремился в глаза. На лице его появилось выражение недоверия. — Я не уверен, знаете ли вы... — начал он, но его слова были прерваны. — Я точно знаю, что вы ищете, — перебил его незнакомец. — Так... в чем подвох? — Надеюсь, — прошептал первый мужчина, его лицо омрачилось. — Нет никакого подвоха. Он рисковал слишком многим, чтобы терять сейчас, в конце концов, свой рассудок, но, что важнее, рассудок единственного человека, которого он все еще считал кем-то вроде брата, даже после стольких лет разлуки. Для каждого человека есть предел, который нельзя переступать. Переступить его — значит сломаться. Никто на свете не может вынести все, что на него обрушивается, и не сломаться под тяжестью этого. В тот момент, когда Сэл уничтожил крестраж своего брата, он достиг своего предела. И когда статуя его брата в Хогвартсе разлетелась вдребезги, а его пепел развеялся по ветру, душа Сэла тоже разбилась. Он убил своего брата. Детский смех прозвучал в его голове, словно отголосок забытого воспоминания. Он убил своего брата. Детские глаза, полные любви, смотрели на него из давно ушедшего времени. Он убил своего брата. Из его глаз скатилась слеза. Как он мог?! Ответ пришел в холодности его собственного голоса, в отголоске давно ушедшего времени. — У меня были другие обязанности, кроме наблюдения за его жизнью, — сказал он. Другие обязанности. Как будто его брат был лишь обузой. Мог ли он остановить это? Если бы он послушал... если бы он остался рядом с братом, смог бы он спасти его? — Ты проявляешь удивительно мало интереса к жизни своего брата, — сказал Антиох. — Мне бы никогда не сошло с рук такое поведение. — Ты такой же, как отец, — шипел Медравед. — Ты только и делаешь, что бросаешь меня ради других! И его брат был прав. Другие всегда были на первом месте. Чужакам он помогал. Вместо этого он убил своего брата. — Целитель не может сражаться, — тихо сказал ему голос из другой жизни. Его собственный голос. — А ты хочешь сражаться? — Нет. Я хочу защищать. И защищал, всегда и во всем. Всех без исключения. И все же, самое большое исключение из всех. — Я должен был защитить своего брата, — шептал он, глядя на осколки крестража в своих руках, не замечая снежной бури, разразившейся в дебрях французского леса, где он сидел на земле беззащитный. — Я должен был защитить своего брата! Вместо этого он убил его. — Ты ведешь себя так, будто думаешь, что мне легко это сделать! — Сэл услышал, как его собственный голос из прошлого воскликнул. — Когда-то я поклялся защищать невинных! Я никогда не думал, что эта клятва будет означать, что однажды я буду вынужден пойти против своего собственного младшего брата! Я люблю тебя, Медравед! Если бы обстоятельства сложились хоть немного иначе — если бы ты просто не пошел против всего, за что я выступаю, — я бы выбрал тебя! Но так, как есть, я не могу. Не с осознанием того, что ты сделал! И он снова отвернулся от брата — только для других.

Незнакомцев. — Ты проявляешь удивительно мало интереса к жизни своего брата. Мне бы никогда не сошло с рук такое поведение. — Значит, ты будешь защищать тех, кто не может защитить себя от тех, кто пытается их покаречить? — Буду. — И тогда он убил своего брата. Убил его, преднамеренно. Убил хладнокровно. — Ты такой же, как отец! Ты только и делаешь, что бросаешь меня ради других! — И ты будешь использовать все свои навыки, чтобы помочь тому, кто нуждается в помощи? Он поклялся и сдержал свою клятву. Всегда и во всем. Он был хранителем для тех, кто в этом нуждался, — детский смех звучал в его голове. Хранителем для всех, кроме своего брата. Он был целителем — "Значит, ты предпочитаешь убить его, чтобы остановить его". Целитель для всех, кроме своего брата. Защитник — "Другого пути нет. Даже если бы он был одним из нас, даже если бы он был моим собственным ребенком — я бы все

равно сказал то же самое." Защитник для всех, кроме своего брата. Святой в глазах многих — и все же он убил своего брата. Своего собственного младшего брата. И его разум продолжал воспроизводить все те моменты, когда он общался с ребенком, которого убил сегодня. — У меня были другие обязанности, кроме наблюдения за его жизнью, — сказал он вместо этого. Другие обязанности. — Ты проявляешь удивительно мало интереса к жизни своего брата. Мне бы никогда не сошло с рук такое поведение. — Ты прямо как отец! Ты только и делаешь, что бросаешь меня ради других! — Даже если тебе придется помогать своему врагу? О, как бы он хотел, чтобы ему пришлось помогать своему врагу! Все было бы лучше, чем то, что он сделал. Но он заклял себя. Он отказался от зла — но не от тьмы. Но его брат? Его брат! — Я могу любить тебя, Медрауд, но клятва, которую я дал как хранитель, заставляет меня работать против тебя. Я не могу позволить тебе бродить по миру, как сейчас. Мне жаль. — Значит, ты предпочитаешь убить его, чтобы остановить. — Другого пути нет. Даже если бы он был одним из нас, даже если бы он был моим собственным ребенком — я бы все равно сказал то же самое. Как будто его брат был для него никем. — Даже если ты должен убить кого-то или позволить кому-то умереть, чтобы обеспечить безопасность других? Он ответил "да" и на этот вопрос — и проклял себя этим. Даже если ты должен кого-то убить — кровь его брата на его руках. Душа его брата уничтожена. Тело его брата — лишь пепел. Обеспечить безопасность других... Как ему это удалось? Как ему удалось сделать то, что он поклялся, когда на кону стояла жизнь его брата? Как он смог пожертвовать жизнью брата ради такой мелочи, как "безопасность других"?! Антиох. Кадмус. Игнотус. Дети — все трое.

<http://tl.rulate.ru/book/93005/3093480>